

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Оригинальное название *Stingray Through the Looking Glass*

Перевод с английского — *Александр Кан*

Издательство благодарит Джоанну Стингрей
за предоставленные фотографии из личного архива

Стингрей, Джоанна, Стингрей Мэдисон
С80 Стингрей в Зазеркалье. / Джоанна Стингрей, Мэдисон Стингрей ; [пер. с
англ. А. Кана]. — М. : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. : илл. + [48 вкл.]. —
(Персона).

ISBN 978-5-17-116043-2

Новая книга Джоанны Стингрей, американской певицы и музыканта, называется «Стингрей в Зазеркалье» и является продолжением ее первой книги «Стингрей в Стране Чудес». Вы узнаете, как все было на самом деле... История любви Виктора Цоя и Наталии Разлоговой, съемки фильма Сергея Соловьева «АССА», концерты Майка Науменко и «Зоопарка», «Поп-Механики» и «Калинова моста», первая запись на Западе альбома Бориса Гребенникова и группы «Аквариум», приезд Виктора Цоя и Юрия Каспаряна в Лос-Анджелес, новые встречи в Москве с музыкантами и художниками, начало Перестройки и начало новой жизни...

История захватывающих приключений Джоанны в России начинается в конце 80-х годов XX века и продолжается еще целых десять лет. Ее воспоминания открыты и удивительно честны. Воспоминания о людях, которых она любила и продолжает любить.

«Я с головой погрузилась в это «безумное чаепитие», по уши влюбилась в этих парней, в этот город и заодно в эту страну. Я научилась согреться на холодных улицах коммунистической России, научилась за масками и за показным имиджем видеть живых людей».

Джоанна Стингрей

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116043-2

© J Stingray Inc., 2019. Translated by Alex Kan
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящение

Моей матери Джоан Николас, скончавшейся 6 апреля 2019 года. Она была опорой и поддержкой для меня все эти годы, и мы все думаем о ней и вспоминаем ее каждый день.

Моим дорогим друзьям Виктору Цою и Сергею Курёхину. Своим видением и своими голосами они осветили для меня весь мир. Они творили вместе со звездами, память о них и их музыка будут жить вечно.

Всем моим *tovarishees* из мира культуры. Спасибо вам! Вы открыли для меня подлинную свободу и наполнили сердце и душу цветами радуги. Исходившие от вас смех, творчество и любовь стали для меня вдохновением на всю жизнь.

Магии и жизненной силе Рок-н-ролла, да спасет он нас всех!

Особая благодарность

Редьярд Киплинг как-то сказал: «Сад не вырастить, сидя в уютной тени и приговаривая «Как все прекрасно!». Мои книги «Стингрей в Стране Чудес» и «Стингрей в Зазерьялье» никогда не получились бы столь живыми и яркими без энергии, любви, страсти и таланта двух невероятных людей, которым я навеки благодарна:

Мэдисон Стингрей не только занимает большую часть моего сердца, она еще и сумела слить в единую цельную картину мои воспоминания о России. Спасибо тебе, дочь, за любовь ко мне и к моим друзьям, с которой ты воссоздала наши истории. Рок-н-ролл ты превратила в волшебство.

Алекс Кан – никто другой не сумел бы передать эту историю на русском языке со всеми ее изгибами, поворотами и оттенками. Тонкой рукой и сильным голосом ты удержал в переводе все ее бесчисленные мотивы. Спасибо тебе за то, что благодаря тебе я сумела почтить память и наших друзей, и нашей общей жизни.

Предисловие

Кроличья нора, в которую я впервые провалилась в марте 1984 года, открыла для меня хаотичный, но чарующий и захватывающий мир. Я попала в самую гущу музыкального и художественного андеграунда Ленинграда, в укромный, спрятанный, как сердце под ребрами, уголок советской реальности и окрестила его «Страной Чудес». С первой же встречи с волшебным Борисом Гребенщиковым и другими пиратами-творцами я подседа на магию этого места, где невзгоды превращаются в музыку, а страдания — в песни. Следующие четыре года я провела, бесконечно переносясь через Атлантику и два континента, чередуя неделю в зачарованной Земле сказок и противоречий с тремя месяцами томительного лос-анджелесского ожидания возможности вновь вернуться в Страну Чудес.

Мне ужасно хотелось поделиться с Западом той немалой творческой энергией, могучими эмоциями, прекрасной музыкой и искусством, которые я открыла для себя в Ленинграде. Вывезенная тайком музыка моих друзей превратилась в изданный в Америке двойной альбом *Red Wave — Four Underground Bands from the USSR*. «Музыка не имеет границ» — эти слова стали моим девизом, моим лозунгом, моей мантрой.

Я с головой погрузилась в это «безумное чаепитие», по уши влюбилась в этих парней, в этот город и заодно в эту страну. Я научилась согреться на холодных улицах коммунистической России, научилась за масками и за показным имиджем видеть живых людей. За четыре года с момента моего первого приезда изменилось очень многое, мы были в самом разгаре гласности и перестройки, но куда в конечном счете приведет нас этот путь, сказать было совершенно невозможно. Я стала героем для советской молодежи и врагом советского государства, в течение полугода мне отказывали в визе и не пустили на собственную свадьбу. Но к концу 1987 года мы с Юрием Каспаряном наконец-то поженились, а Михаил Горбачёв наконец-то сумел сбросить с себя сдерживавшие его оковы старой гвардии. Революционные перемены в стране захватывали воображение: все и всё, в том числе и я, с замиранием сердца ждали, что же произойдет дальше.

Не могла я отделаться и от страха: ведь в Матушке России неизменным остается только одно — непредсказуемость ее будущего.

Как только самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы Пулково, меня охватили спокойствие и умиротворенность. Ощупывая пальцем рельефную поверхность проставленного в мой паспорт в ленинградском Дворце бракосочетания штампа, я со счастливой улыбкой думала о своем муже Юрии Дмитриевиче Каспаряне. Самолет болтало, и в этой болтанке мне чудился ветер перемен, который в конечном счете соединит нас всех. Я больше не должна разрываться между Америкой и Россией, обе они сплелись в единое, согревающее мое сердце целое.

— Чай? — услышала я голос стюардессы.

Потягивая горячий горьковатый напиток, я думала о русских и их любви к чаю. Чай был неотъемлемой частью повседневной жизни, как чистка зубов по утрам или завтрак, — ритуал, помешать которому не могли никакая погода и никакое настроение. Чаем сопровождалось все: написание песен, проведение интервью, планирование концертов, да и сами концерты. «Чайное» мгновение тишины — будь то в одиночестве, с друзьями или с деловыми партнерами — я и по сей день стараюсь включать в свою жизнь.

Поперхнувшись очередным глотком, я стряхнула с себя все пробудившиеся с чаем ассоциации и оставила пластиковый стаканчик подальше. Нет, мне все же больше по душе горячий шоколад.

...Спокойствие и сосредоточенность русских — то, что символизировала для меня их страсть к чаю, — в полной мере уравновешивались суетой и хаосом, неизменно встречавшими меня в ленин-

градском аэропорту. Стоило мне вновь оказаться в Стране Чудес, как меня тут же поглотила, затолкала и сбила с ног толпа. Огромная бесформенная масса людей изо всех сил старалась побыстрее и поближе пробиться к стеклянным дверям выхода. Я обернулась, но увидела только непроницаемые лица со свисающими из углов рта сигаретами. Я чуть не расхохоталась. Вот тебе твоя Россия! Я вернулась!

Однако страна, в которую я вернулась, была уже иной. В считанные месяцы моего отсутствия она изменилась — вслед за начатыми Горбачевым реформами, обретенной внезапно свободой и открытостью творческого самовыражения. Я привыкла к изолированному, тайному, устроенному по принципу коммуны оазису, который рокеры — и я вместе с ними — вырыли для себя в непроницаемом советском монолите. Раньше, когда бы я ни приехала в Ленинград, меня все ждали, лениво вытянув ноги на столе рядом с открытой банкой рыбных консервов. Цепь была неразрывной, о чем когда-то с болью предупреждали нас *Fleetwood Mac*¹. Ведь куда было деваться этим парням? До этого момента ничего и никого кроме друг друга у нас не было. И вдруг только вчера еще андеграундный русский рок стал последним писком моды — песни «Кино», «Аквариума», «Алисы» беспрерывно звучали по радио. Их бесконечно звали на телевидение и с нетерпением ждали с концертами по всему огромному Союзу. Вслед за историческим дебютом неподцензурной пластинки «Аквариума» на «Мелодии»² аналогичные предложения получили «Кино» и «Алиса».

Именно об этом мы мечтали, сидя в подвалах или в темной самопальной студии Вишни³. Мы были счастливы, и я захлебыва-

¹ Имеется в виду песня британско-американской рок-группы *Fleetwood Mac* — *The Chain* («Цепь»), с ее повторяющимся припевом: *You would never break the chain* («Ты никогда не разорвешь эту цепь»). — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Первая «официальная» пластинка «Аквариума» на «Мелодии» вышла в конце 1987 года.

³ *Алексей Вишня* (род. 1964) — петербургский рок-музыкант и звукорежиссер. Звукорежиссуре учился у знаменитого Андрея Тропилло. В 1984 году у себя дома оборудовал студию звукозаписи, которую назвал «Яншива Шела». В студии Вишни записывались «Кино», Александр Башлачёв, «Кофе», АВИА и другие ленинградские рок-музыканты.

лась от гордости за своих друзей. Однако к этим радостным чувствам примешивалась и внезапно зашевелившаяся где-то внутри меня грусть: я не могла отделаться от ощущения, что вижу, как рвется, рассыпается когда-то казавшаяся неразрывной соединяющая нас цепь.

Главным знаком перемен для нас всех стал немедленно превратившийся в культовую классику фильм Сергея Соловьёва «Асса». На главную роль Сергей пригласил Африку, а саундтреком «Ассы» стали песни «Аквариума» и других андеграундных групп. Самой знаменитой и самой запоминающейся сценой фильма стал символизирующий высвобождение музыки из-под государственного контроля финал. Виктор Цой, игравший одного из музыкантов группы Африки, приходит устраиваться на работу в ресторан и вынужден выслушивать целый набор глупых и бессмысленных правил, которые ему зачитывает женщина-администратор. Просидев так мину-ту-другую, он молча встает и по безликим пустым коридорам выходит на сцену под вступительные аккорды своей песни «Перемен!». По мере того как он поет, убогая безжизненная обстановка тесного ресторана во время заключительных титров фильма преобразуется в огромное открытое пространство, заполненное тысячами восторженных фанов с высоко вздетыми вверх руками, в которых горят огни. Сила и энергия, излучаемые Цоем, были физически ощутимы даже с экрана, и Виктор мгновенно стал крупнейшей звездой и героем всей России. У «Кино» появились настоящие менеджеры, гастрольный график был заполнен на месяцы вперед, и в день моего приезда они как раз улетали куда-то далеко из Ленинграда. Наше племя раздробилось, из единого стало множеством, полной противоположностью украшающему герб США латинскому девизу, провозглашающему единство из множества¹.

¹ Герб США украшен латинским выражением *E pluribus unum* — «Из многих — единое». В латинском выражении 13 букв — столько же, сколько штатов образовали в 1776 году освободившееся от английского колониального владычества новое независимое государство, и девиз символизирует единство нации, составленной из различных колоний.

Был декабрь 1987 года, и для меня тот приезд начался не со встречи с близкими старыми друзьями, а с концерта во Дворце молодежи одной из новых звезд постоянно расширяющейся рок-сцены страны. Свое название фолк-группа «Калинов мост» взяла из прославленного в русских былинах и сказаниях моста, соединявшего мир живых и мертвых. Родом группа была из Новосибирска, а во главе ее стоял харизматичный вокалист и автор песен Дмитрий Ревякин. Лицом он напоминал Джима Моррисона, а манера исполнения его была пропитана психоделической чувственностью. Во всем его облике — в яркой голубой рубашке и глазах хиппи — были невероятная сила и духовность. После окончания каждой песни зал погружался во тьму, а первые звуки новой прибывшая к сцене толпа встречала восторженными криками.

И вдруг, когда с началом новой песни сцену вновь залил свет, я увидела на ней сверкающего своими хитрыми карими глазами Костю. Мне уже говорили, что он большой поклонник этой новой группы, и, услышав его страстный голос, я вскочила и запрыгала вместе со всей толпой. Костя и Дмитрий пели вместе, публика всю им подпевала, протягивая руки к своим кумирам. Вдруг я увидела, как под восторженные крики группа парней понесла Костю на руках. Как темный ангел, он плыл над толпой среди всеобщего восторженного возбуждения. Это была та Страна Чудес, которую я помнила.

В самом конце концерта Костя положил руки на плечи Дмитрия, и они стояли бок о бок, тесно прижавшись друг к другу. На мгновение мне захотелось оказаться там же, в теплом объятии рук Кости. Вдруг и у себя на плечах я ощутила чьи-то руки. Обернувшись, я увидела, что все находившиеся в зале люди примкнули друг к другу и воздели руки вверх — как символ рок-единства. Я почувствовала, что плыву по морю любви, и поняла: пока у меня есть рок, я никогда не буду в одиночестве. Я запрокинула голову и радостно закричала вместе со всеми.

— Я ушел от Марьяны.

— Что?! — пораженная услышанным, я уставилась на Виктора и поняла, что почти не узнаю его.

— Я ушел от Марьяны, — спокойно повторил он.

Могу поклясться, что в голове у меня в этот момент раздался звон разрываемой цепи. Я растерянно оглянулась по сторонам, как будто ожидая, что стены вокруг меня обрушатся. Виктор и Марьяна были в моем сознании неразрывны и непоколебимы — два лица с неизменно хитрыми улыбками, пара, за которой я следовала по улицам и квартирам Ленинграда.

Вопрос «почему?» уже готов был сорваться с моих уст, но, вновь встретившись глазами с серьезным умным взглядом Виктора, я поняла, что верю ему безоговорочно. Человеком он был уравновешенным, импульсивным, к непродуманным шагам не склонным, и если он решил уйти от Марьяны, то тому была наверняка серьезная причина.

Они всегда казались крепкой парой, но в то же время производили впечатление скорее лучших друзей, чем романтических влюбленных. Виктор проводил с Марьяной куда больше времени, чем все остальные наши женатые друзья со своими женами; она была, по сути дела, менеджером «Кино», и он полностью доверял ее мнению и ее характеру. При всей его активности друзей у Виктора было не так уж и много. На общих вечеринках он появлялся на пару часов, а потом исчезал в темноту. Ему куда больше нравилось проводить

время с Густавом, Юрием и со мной на диване или же с Марьяной и сыном Сашей дома. Кроме нескольких ближайших самых верных друзей и близких душ ему, казалось, никто и не был нужен.

И вот в Ялте, во время съемок фильма Сергея Соловьева «Асса», он нашел по-настоящему родственную себе душу. Когда он рассказывал мне о Наташе Разлоговой¹, я видела, насколько он изменился за те месяцы, что меня не было в стране. Он эмоционально окреп, стал тверже в своих убеждениях. В том, как он говорил, расслабленно раскинувшись в кресле и лениво улыбаясь, чувствовалась уверенность и удовлетворение собой и своей жизнью. В глазах, однако, была и грусть: причиненная Марьяне и Саше боль явно тяготила его, но в то же время она уравновешивалась совершенно очевидной легкостью и счастьем. Виктор был неизбежно предан своему внутреннему кругу и очень осторожно относился к любой опасности причинить кому бы то ни было из нас боль. У меня не было сомнений в том, что меньше всего на уме у него было предательство.

— Нас познакомили на «Мосфильме», а подружились мы уже в Ялте, во время съемок «Ассы», — рассказывал он. По профессии Наташа была преподавателем и переводчицей, но решила заняться кино. Она была замужем, и у нее был сын, хотя с мужем к тому времени она уже рассталась и жила с другим человеком. — Я сказал ей, что у меня есть сын и официально я женат, но этот брак носит скорее деловой характер, — продолжал Виктор. — Говорил я с нею очень серьезно, но в то же время влюбился в нее по уши.

Несколькими годами позже, уже после гибели Виктора, Наташа со смехом рассказывала мне, что и думать не думала о романе с Виктором во время того первого приезда на съемки в Ялту.

— Он был ужасно мил! Это единственное, что я тогда отметила. Мы были из совершенно разных миров, и никаких причин продолжать общение у нас вроде бы и не было.

¹ *Наталья Разлогова* (род. 1956) — журналистка, кинокритик и переводчица. С 1987 года и вплоть до гибели Виктора Цоя в августе 1990-го года их связывали тесные отношения.

Со съемок Виктор вернулся в Ленинград, Наташа осталась в Ялте. Вскоре он понял, что ни о чем другом, кроме нее, думать не может. У кого-то из участников съемочной группы он раздобыл номер ее телефона в гостинице, позвонил и сказал, что хочет ее увидеть.

— Ты же всегда можешь приехать в Ялту, — шутливо ответила она.

— Ну, если Соловьев еще раз организует приезд «Кино», то я, конечно, приеду.

Наташа оставила этот разговор без особого внимания. Мужчина говорит, что очень хочет ее увидеть, но приедет только в том случае, если это будет деловая поездка! Билеты тогда стоили гроши, и ей казалось, что уж если он на самом деле так хочет ее видеть, то мог бы приехать и сам, не дожидаясь, пока поездку кто-то организует. Она совершенно не отдавала себе отчет, насколько стесненной в средствах была в то время жизнь Виктора — в отличие от жизни московской элиты, частью которой была Наташа. Вместе с Марьяной, ее мамой, бабушкой и сыном Сашей он жил в тесной замызанной квартирке на окраине Ленинграда.

Названивал он ей, тем не менее, регулярно.

— Даже от звука ее голоса я чувствовал себя счастливым, — с глуповатой улыбкой признавался он мне.

Когда он все же приехал в Ялту во второй раз, они часами, ночи напролет говорили.

— Ничего подобного ни с кем другим у меня никогда не было, — рассказывал мне Виктор. — Понимаешь, Джо, она как бы дополняет, завершает меня.

Я крепко обняла друга и прижалась к нему:

— Я так рада за тебя!

Наташа призналась мне уже позже, как в этот второй приезд ее очаровали ум, доброта и внутренняя независимость Виктора. За несколько дней до того, как им обоим нужно было разъезжаться из Ялты по своим городам, Наташа перебралась в гостиничный номер Цоя. Сидя на кровати и слушая, как он напевает только что написанную, еще никем не слышанную «Группу крови», она поняла,